

Утренний выпуск.

Объявления за строку петита или
заполн. ею место въ Латвіи въ текстѣ 1 Л.
40 с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позвѣд.
текста 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
Для заграничнѣй 10 амер. цент. за строку.

Ред.: Рига, Мельничная 57 (уг.
Церк.) Тел.: ред. — 21219, гор. хрон. —
21733 и 21334, почт. редакц. — 21334.
Главная контора и экспедиція Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
21030, телеф. рекламнаго отдела 21225.

СЕГООДНЯ

№ 59.

ВЫХОДИТЬ УТРОМЪ И ВЕЧЕРОМЪ.

11-й г. изд.

Четвергъ,

28 февраля 1929 года.

Цѣна номера въ Латвіи 12 цент. 6 р.
въ Латвіи за оба изд. 60 цент., въ Польска за
оба изд. 80 грш., на утр. 40 грш. на вечер.
45 грш. Подп. пл. на „Сегоднѣ“ въ нѣм.
сѣмѣ (за 7 ном. въ год.) въ Латвіи 3 Л. 50 с.
(175 р.), нагр. 5 Л. 20 с. (260 р.) или 1 амер. долл.
Подп. пл. на „Сегоднѣ“ и „Сегоднѣ
Вечеромъ“ (13 ном. въ год.): въ Латвіи
5 Л. 75 с., нагр. 8 Л. 50 с. или 1.70 амер. долл.

Воспоминания артиста Художественного театра.

(Продолжение).

„Дядя Ваня“.

Во время показа «Чайки» в Никитском театре с Чеховым повели разговор о постановке «Дяди Вани». Но оказалось, что Малый театр, в силу успеха «Являк», уже вступил с ним в переговоры относительно этой пьесы.

Наконец издурманили, которое потом произошло у Чехова с Литературно-театральной комиссией, которую при Малом театре Комитет потребовал переделать. Чехов отказался, вызвал к себе Овсепянцаского и Немюрнчука и тут же заявил, что отходит «Дядю Ваню» Художественному театру*.

Руководители прочли выкост с А. П. псу и старались получить от него улаzenia относительно отдельных действий, указавших в своей постановке. Но как было трудно добиться от Чехова каких-нибудь определенных улазиев!

Между прочим, Чехов очень сердито, что в одном провинциальном театре дадо Ваю изображал опустившимся помешанным, т. е. грязным, лохматым, в омазанных сапогах.

— А как мне же онъ долженъ быть? — спросил меня.

— Да у меня же такъ все подробно написано! — отыгивался.

А кто издурманилъ заключавшея въ ремаркѣ объ улазиевѣ на то, что у дяди Вани измѣнили галстуки? Чеховъ считалъ, что этого совершенно достаточно для обозначения его одежды.

Стоитъ отметить, что «Дядя Ваня» по началу большого успеха не имѣлъ, несмотря на прекрасное исполненіе пѣлаго ролей.

И первое его представленіе отнюдь не было такимъ триумфомъ, какъ премьера «Чайки». Публика была не то что холодна, а сдержанна. И когда составлялись театральныя въ Ялту, пришлось осторожно побороть слова, лавировать, чтобы и правду не передать, и не огорчить любимого зрителя. Только понемногу стали нарастать симпатіи москвитянъ зрителей къ пьесѣ и въ основу поставленію на сценѣ Художественнаго театра.

По поводу «Дяди Вани» вспоминается ха-

*Репертуарная коммисія требовала переделки финала третьяго акта, хотѣла попросту обвинить дядю Ваню въ мошенничествѣ.

ракторный эпизодъ. Какъ то весной закупили Антонию Павловну и засѣла тамъ Лиза Николаевна Тосгоств. Я никогда раньше не видѣлъ его и, когда А. П. стала меня знакомить, я отъ волненія забылъ свою фамилію. Лиза вырвала меня изъ глупаго положенія Лизы Николаевны, обратилась ко мнѣ очень ласково и съ улыбкой сказала: — Я такъ знаю, вы хорошо знаете дядю Ваню. Но какъ вы пристало къ чужой женѣ? Завели бы свою компанію.

Такъ въ двухъ словахъ онъ рассказывалъ сюжетъ «Дяди Вани» — и я еще въ присутствіи автора.

Антонъ Павловичъ видимо очень сконфузился, покраснѣлъ и добавилъ почему-то: — Да, да, чудесно!

По окончаніи второго сезона труппа отправилась въ Крымъ. Побѣда была предпринята, главными образами, для того, чтобы по началу отпугнутому болѣею отъ Москвы Чехову «Дядю Ваню» и тѣмъ принятию его къ драматургіи, окончательно завоевать для Ваю.

Мѣстомъ спектакля былъ выбранъ Севастополь. Тула пріѣхала Чеховъ. Сыграно прежде всего «Дядю Ваню». Пьеса имѣла успѣхъ. Какъ въ управленіи Антонъ Павловичъ, а ему пришлось такъ выйти на сцену на бумажныхъ языкахъ.

Это въ крымская побѣда имѣла послѣдствіемъ предпріятіе въ драматургію другого писателя — Максима Горькаго.

Объявленіе съ Максимомъ Горькимъ произошло въ Ялтѣ, куда труппа поѣхала изъ Севастополя.

Горькій увлекался театромъ. И тогда же рассказывалъ Овсепянцаскому и Немюрнчуку-Давченко плачь пьесы, которую онъ хотѣлъ бы написать. Это было «дѣла контри». Будущей пьесы только что вымѣчалась. Многие затѣли значительно дѣйствіемъ, но много и сохранилось. Былъ въ этомъ первоначальномъ планѣ, между прочимъ, былинъ за дѣй, который больше всего бережетъ свою машину, потому что она — единственная связь съ его лучшимъ прошлымъ. Появилась мысль этого лакея затѣмъ являлся въ пьесѣ спившійся актеръ. Лука былъ въ первоначальномъ планѣ раскольниковъ. И первый актъ кончался тѣмъ, что старикъ заявляетъ оубу и начиналъ молиться. Рассказывалъ содержаніе пьесы. Горькій увлекался, но все-таки не рѣшился присутствію къ писателю. И художественникъ много и долго убаюкивалъ его брестъ сонитка.

Третій сезонъ.

Третій сезонъ начался «Сайгурюкою».

Этотъ спектакль былъ дебютомъ В. И. Кавалова. Художественный театръ ясно сознавалъ, что ему не хватаетъ актеровъ, неслихъ. Каваловъ былъ въ то время провинциальнымъ актеромъ (еще безъ особенно крупной репутаціи). Сыгнъ Виленскаго прогнорѣ, онъ, по окончаніи виленской гимназіи, поѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ. Въ Петербургѣ пристрастился къ театру, сталъ играть на любительскихъ спектакляхъ, рѣшился бросить университетъ и съоръзаться на сцену. Въ качествѣ профессиональнаго актера онъ выступилъ впервые въ Суворинскомъ театрѣ. Тамъ же онъ сталъ «Каваловымъ». Суворинъ, находя, что его фамилія Сайгурюковъ не годится для театра, предложилъ ему придумать псевдонимъ, пока будутъ готовитъ контрактъ. Разговоръ происходилъ въ кабинетѣ у Суворина. Каваловъ, выйдя изъ кабинета въ залъ, комнату, сталъ «придумывать». На столѣ лежала газета; въ глаза бросилось объявленіе о смерти нѣкогого Василія Ивановича Кавалова. Онъ не сталъ больше придумывать и прямо вывелъ эту фамилію, скоро сдѣлавшуюся столь популярной. Такъ рассказывалъ мнѣ исторію своего псевдонима самъ В. И. Каваловъ.

На сценѣ Суворинскаго театра его увидѣлъ сынъ одного изъ лѣнщиковъ Художественнаго театра и, вернувшись въ Москву, сталъ рассказывать о немъ. Художественныя актеры поддержку у вѣнскихъ актеровъ Художественнаго театра, аналитикъ Кавалова и заинтересовался Немюрнчукомъ — Давченко. Каваловъ было послано приглашеніе, пошла переписка съ улазиемъ. Лобнитою отыгивать, что провинциальные актеры и артисты не устрѣдились отговаривали Кавалова отъ поступленія въ Художественный театръ, говоря, что въ провинціи его ждетъ карьера, а въ Художественномъ театръ онъ побѣдитъ, актерство. Такъво было тогда шеніе актерской среды въ Художественному театру.

24-го октября 1900 года была премьера «Домашня Штокмана».

Помню ири К. С. Станиславскаго, огромны успѣхъ имѣла массовая сцена 4-го акта, въ которой принимали участіе такіе артисты, какъ Киншперъ, Москвитин, Каваловъ. Москвитинъ въ этомъ скупѣмъ провозглашеніи своего нѣтъскаго сына и Буржуазія въ нѣтъскаго роки: пыльнаго матроса, — создавалъ оригинальные, характерныя, незабываемые образы. Завѣрно, что во время петербургской «Бѣды» въ пьесѣ Иосифа Гутманова найти «отраженіе оупо». Дядю въ томъ, что режиссеръ Штокмана; сд., а, революционеръ!

*) Рождѣ 1901 г.

знавала громъ аплодисментовъ. Я игралъ редактора Гобдста, который кричитъ, направляя толпу на д-ра Штокмана: «Итакъ оу революционеръ!»

Послѣ этого спектакля въ нашу честь былъ устроенъ въ ресторана Контана банкетъ. Было много народа, говорились горячія рѣчи. Участниками спектакля были ролями жегонъ съ короткой надписью: «спасибо».

„Три сестры“.

Еще 5-го августа 1900 г. Антонъ Павловичъ писалъ мнѣ: «Вамъ, какъ земнику и однокласснику съ тагарскаго гимназіи, говорю: пишу пьесу. Ужъ напишете, много, но пока я не въ Москѣ, судить о ней не могу. Вы можете, выходяще у меня въ пьеса, а фамилія крымская, чудесна».

Обычно Антонъ Павловичъ такъ намекалъ, мнѣ беретъ особенно ревниво. Точно боялся, выдѣлъ, сказать еще не родившееся дѣла.

Васъ въ притолоку роль писателя гимназіи, мужа одной изъ сестеръ, — прибавлялъ онъ, — «вы будете въ форменной сортухѣ и съ орденомъ на шеѣ».

Привыкнувъ къ театру и другіе слухи, впроче плохо помогавшіе угадать фобу пьесы и я въ перерывахъ. Зналъ, что будетъ въ военный бытъ, что какой то полкъ откуды то ухаживъ. Зналъ, что будутъ три сестры, и у старшей часто болѣтъ голова отъ утруска, а втора измѣнитъ. Конечно, что только драматическое либонітѣ и не позволяло составить хотѣи бы и самое озаглавленное представленіе о «Трехъ сестрахъ».

16-го октября 1900 г. А. П. писалъ: «Можете себѣ представитъ, насколько пьесу. Трудно и описана была этотъ «Трехъ сестеръ», потому что я въ этотъ періодъ родовъ долго и серьезно болѣлъ, что мѣшало мнѣ работать. Ужасно трудно было писать «Трехъ сестеръ». Вѣдь три героини, каждая должна быть на своемъ образѣ, и всѣ три генеральскія дочки. Дѣйствіе происходитъ въ провинциальномъ городѣ, въ роѣ Пермь, среда — артрактарія».

Въ личныя отношеніяхъ Чехова съ Художественнымъ театромъ эпоха «Трехъ сестеръ» являетъ особенно важную роль. Къ этому времени обрѣли драматургическія связи Антона Павловича съ артистами, къ этому времени относится и его женитба въ Ольгѣ Леонардовнѣ Киншперъ*).

Помню, какъ актеръ на репетиціяхъ «Трехъ сестеръ» причесался въ Чехову, прося расширить его «шпунчикъ», въ который шутъ много трогательнаго и грустнаго: шутовскую бороду Кулигина, или знаменитую «грамъ-грамъ» между Мамѣй и Вершининымъ. Антонъ Павловичъ отыскивался въ такіе случаи бытъ обычныхъ отговорокъ:

*) 24-го мая 1901 г.

— Послушайте, я же тамъ все выпалсъ, что это значить?».

Новое зданіе.

11-го января 1902 г., дня вѣрной, чеповъ 7-го Пароговскаго Обѣда въ Москѣ, былъ ланчъ друзей спектакля. Шаль «Дяди Вани». Собраннымъ врачъ отравленна театральна Чеховъ въ Ялту съдѣлалъ соображенія: «Врачи-товарищи! присутствіея сегодня въ Художественномъ театрѣ на знаменательномъ и незабываемомъ представленіи «Дяди Вани», шлеть горячо любимому автору, своему доктору товарищу, выраженіе глубокаго уваженія и пожеланія здороваья».

Мы же всѣ, исполнителѣ «Дяди Вани», вмѣстѣ съ Владиміромъ Ивановичемъ и С. Т. Морозовымъ, отправившись послѣ утромаго спектакля въ ресторана «Эрмитажъ» обѣдать. Обѣдъ затянулся до поздняго вечера, а потому до утра мы воскресили у «Омниа» и насъ вспомнили провинциальныя Аспровскы, събѣжавшіеся ко всѣмъ улазиемъ Россіи смѣрять «Дядю Ваню».

Послѣ утра С. Т. Морозовъ предложилъ намъ пойти осмотрѣть кабинетъ, сцену, уборныя и другія помѣщенія «Омниа». А терѣмъ издѣлю онъ уже подписавъ контрактъ съ выдѣльнымъ театромъ, Ланчъ/вмѣстѣ, на 12 тысячъ. На оборудованіе имъ было затрчено болѣе 300.000 рублевъ.

Сезонъ 1902—1903 г.г. отгрядъ уже въ новомъ зданіи. Переходъ въ домъ Ланзасова раскрылъ передъ театромъ новыя перспективы. Небывалое оборудованіе сцены и зрительнаго зала произвело сильное впечатленіе. Въ прессѣ говорилось о «откровеніи», которое испытывали зрители еще до начала спектакля. «Театръ устроили совсѣмъ не интереснѣе, но, войдя въ залъ, мы уже не могли не признаться, что въ артрактаріи, видѣлъ, что передъ обитателями благоуханной и изысканной и чувствуете себя такъ, словно не переносите въ атмосферу глубокой серьезности, тонкаго вкуса и скромной торжественности. Зрительный залъ, съ его мягкимъ и строгимъ, медленно затухающимъ въ послѣдніе минуты передъ началомъ дѣйствія освѣщеніемъ, сгущаетъ настроеніе и заставляетъ васъ заранѣе проникнуться благоговѣніемъ, вниманіемъ къ предстоящему зрѣлищу. Только въ Художественномъ театрѣ можно изжить мысль, что вы переступили порогъ зала, въ впечатлѣніи и находитесь въ храмѣ искусства, залогомъ за предѣлами бѣздна житейской суеты».

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Л. ВИШНЕВСКИЙ.

* Чеховъ былъ въ Москѣ съ конца октября до начала декабря 1900 г., передъ поездкой въ Ницу, и тогда представилъ на репетиціи.